

НАД ДАВНИМИ СТРАНИЦАМИ

Сергей Федякин

СЕМИДЕСЯТЫЕ. Время «излома». Ушли и уходит Николай Рубцов, Александр Вампилов, Василий Шукшин, Константин Воробьев, Виктор Курочкин... И в зарубежье: Гайто Газданов, Борис Зайцев, Георгий Адамович.

Именно в это время появилась одна из самых «залыгинских» вещей — небольшой рассказ с почти вызывающим названием «Коровий век».

После громкого афоризма «человек — чело века», после того как слово «век» мы привыкли произносить с почти ритуальным почтением, название было смелым. Да и рассказ был по тем временам «странноват». Не «Холстомер», не «Каштанка». Даже не «Белый Бим — Черное Ухо». И не «Один день Ивана Денисовича». И не «Смерть Ивана Ильича». Один день обыкновенной коровы. День, в который вмещается вся ее коровья жизнь. День, за которым вскоре последует неизбежное: «В ноябре тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года она была уже старой коровой, не приносила больше телят, мало давала молока, ее стало трудно доить, потому что вымя у нее затвердело, и она была зачислена в план мясopоставок текущего квартала».

Залыгин был не просто писатель «с заслугами», но и человек почтенного возраста. Ругать? «Отлучать от литературы»? — как-то неловко. Зачислить рассказ в ряд не очень удачных, «экспериментальных»? Чего проще: Залыгин — из мелиораторов, «человек от техники», уважает науку. Значит — попытаться совместить в себе ученого и художника. Тем более что в рассказе звучали вполне «энтэровские» слова и выражения: «комбинации», «управление», «организм производил»...

Были и защитники у «прозаика-экспериментатора». Разве не ясно? Писатель хочет сказать: не будь коровой! Не будь существом, которое только жует да производит на свет потомство.

Но «Коровий век» прочитывался не только как чистая аллегория. Редкий «вечный покой» вечно голодного животного. Блаженная сытость, когда каждый пережеванный комочек дает наслаждение, сравнимое с удовольствием меломана, который вслушивается не в давно знакомую мелодию, а в нюансы, обертоны, особенности исполнения. За коровьей благодатью можно было прочитать и насмешку над модной тогда «йогой» или «аутотренингом». Но ведь и не только насмешку! А вчитываясь в подробное описание «процессов» внутри коровы, можно было увидеть в рассказе и «нечто о больших системах» (славные и смешные «АСУшные» годы!) Рассказ походил на трактат. И все же — оставался рассказом.

Странно не то, что из произведения Залыгина можно было извлечь очень разные «смыслы». Неожиданно другое: рассказ, который многим казался «экспериментом», по простоте двадцати с лишним лет не только не «упростился», но «оброс» новыми смыслами.

«Нынешнее тяжелое, гулкое изнутри, переполненное сердцем, кровеносными сосудами, органами пищеварения, деторождения и молочными железами тело коровы более всего было приспособлено именно к этой исключительности, к ощущению полной сытости, именно такого ощущения этому телу почти никогда не хватало, чтобы быть самим собой».

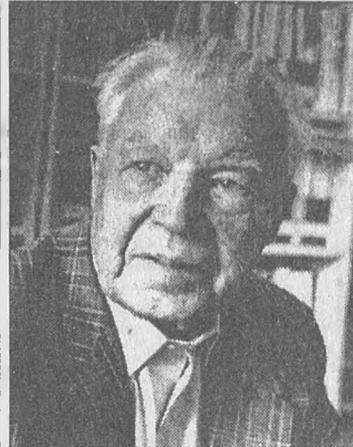
Именно ощутив себя наконец-то собой, ощутив полную самостоятельность — корова перестает быть коровой и превращается в «мясо». Значит — нет тут этой простой морали: «Не будь коровой»? Значит, напротив, есть

противоположное: рожденный кем бы то ни было — оставаясь самим собой. А может, были и другие «Аллегории»? «Все мы — до той или иной степени — такие же коровы: ищем сытости телесной, сытости душевной и умственной, и так же, в свое время, пойдем «под нож». И наша нелепая «цивилизация» — «видики», компьютеры, телевизоры — не коровье ли предсмертное «блаженство» она испытывает? Да и вся наша «космогония», мир земной и звездный, их трудное сообщение — не вечный ли это голод и тоска, в котором бывают редкие мгновения «сытости», гармонии?»

И зоркость. Увидеть, как у «нажавшейся» коровы центр тяжести перемещается от передних ног — к задним... И это неисчислимое обилие деталей... Зрение «технаря» Залыгина оказалось родственным «сочувственнику» и «сопереживальщику» коровьей жизни — крестьянину, для которого она — не просто корова, но «Буренка» или «Красавка». Только рассказал Залыгин о «коровьем смысле жизни» намеренно «некрестьянским» языком. Дабы дотронуться до каждого. И того, для кого корова — часть его семьи, и для того, кто чаще видел корову в кино, нежели в реальности.

«Коровий век». Не самое своеобразное, не самое причудливое создание Залыгина. Более неожиданное, нежели часто называемые «Соленая Падь» или «После бури». Но «Оська — смешной мальчик», где бред мешается с действительностью, где герой строит мир из непонятных конструкций и на одной странице спорит с интегралом, а на другой — беседует с тараканом, — куда диковинней. (Быть может, потому об «Оське» в 70-е можно было услышать одобрительный отзыв любителя не только научной, но и сверхнаучной фантастики.)

«Коровий век». Не самое замечательное произведение писателя.

Сергей Залыгин.
Фото ИТАР-ТАСС

Звездный час Залыгина-художника — написанная в два месяца, единым рывком повесть «На Иртыше», где он почти слился с «деревенской прозой». (Кто читал залыгинские статьи о Шукшине, Белове, Распутине — поймет, что этот час в его жизни — не случаен.)

И все же, думая о писателе Залыгине, хотелось перечитать именно этот — и странный, и насмешливый, и печальный — рассказ. Не было ли здесь предчувствия, что русская литература тоже имеет свой «век» — скоро начнет вянуть, сохнуть и, наконец, задыхаться в пошлости 90-х годов? Не было ли здесь заведомой покорности, быть может — смирения: каждому предначертано свое, а любой век, не только «коровий», всегда короток...

Трактат? Аллегория? Притча? «Не будь коровой»?

«Неси свою судьбу»?

Вопросы можно длить и множить. Пока они все равно остаются без ответа. Как без ответа остается и главный вопрос: писателя Сергея Залыгина мы читали... Сумели ли прочитать?